

Научная статья

УДК 94(47).08 + 27-772 (470.630) (470.620)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ОТДЕЛЕНИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ДЕТСКИХ ПРИУТОВ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ ПРИ МОНАСТЫРЯХ СТАВРОПОЛЬСКОЙ И ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Павел Григорьевич Немашкалов¹Елена Николаевна Володькова²¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661> E-mail: paul_2@rambler.ru² Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-1752> E-mail: e.volodkova@yandex.ru

Автор, ответственный за переписку: Немашкалов Павел Григорьевич, paul_2@rambler.ru

Аннотация. Введение. На современном этапе развития общество столкнулось с проблемами в сфере высокого уровня преступности несовершеннолетних и подростковой девиации, которые были характерны для России в начале XX в. В практике уголовного и уголовно-исправительного законодательства применение лишения свободы к ним чаще остается единственной формой наказания. В рамках поиска оптимальной модели достижения исправительного эффекта представляется интересным обращение к имеющемуся историческому опыту. Широкое включение общественности для решения возникшей ситуации было одной из форм борьбы с подростково-юношеской преступностью со второй половины XIX в. Одним из инструментов политики государства, в данной сфере, стало активное привлечение монастырей Русской Православной Церкви, которые должны были стать ведущим органом в борьбе и профилактики в сфере преступности несовершеннолетних. **Материалы и методы.** На примере организации работы исправительных приютов, основанных в 1898 г. при монастырях Кубанской области, авторами проводится анализ их деятельности, сложности в организации работы с контингентом в рамках монастырей всей Кавказской кафедры. Актуальным становится вывод о том, что успех в деятельности профилактики и исправления был возможен только при широком привлечении общественности, обучение воспитанников приютов востребованным на рынке труда профессиям, сочетание различных программ и религиозных воспитательных практик, при тесном взаимодействии с органами исполнительной власти региона. **Анализ.** Обращение к истории исправительных учреждений на территории Северного Кавказа может способствовать совершенствованию организации работы в отношении несо-

вершеннолетних лиц, совершивших преступления, в реализации стратегии исполнения наказаний. **Результаты.** Как показали результаты проведенного исследования, данный эксперимент не получил широкой поддержки не только в регионе, но и во всей империи. И только благодаря помощи общественности в организации работы и содержании воспитанников приютов, при ограниченном финансировании со стороны государства, монастырям удалось наладить процесс реабилитации несовершеннолетних преступников. В сочетании с применением различных воспитательных систем и программ, школьного и трудового обучения, различных методов воспитания и наставничества, монастыри внесли свой вклад в исправление оступившихся несовершеннолетних.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кубанская область, Ставропольская и Екатеринодарская (Кавказская) епархия, приюты для несовершеннолетних преступников, исправление, воспитание

Для цитирования: Немашкалов П. Г., Володькова Е. Н. Проблемы организации работы отделений исправительных детских приютов для несовершеннолетних преступников при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 431–439. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 19.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 22.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

Research article

PROBLEMS OF ORGANIZING THE WORK OF DEPARTMENTS
OF CORRECTIONAL ORPHANAGES FOR JUVENILE DELINQUENTS
AT THE MONASTERIES OF THE STAVROPOL AND YEKATERINODAR DIOCESE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Pavel G. Nemashkalov¹

Elena N. Volodkova²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417 «A», Lenina St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661> E-mail: paul_2@rambler.ru

² Stavropol State Pedagogical Institute (417 «A», Lenina St., 355029, Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9920-1752> E-mail: e.volodkova@yandex.ru

Corresponding author: Nemashkalov Pavel Grigorievich, paul_2@rambler.ru

Annotation. Introduction. At the present stage of development, society faces the problems in the field of high levels of juvenile delinquency and adolescent deviation, which were typical of Russia at the beginning of the 20th century. In the practice of criminal and penal legislation, the application of imprisonment to them often remains the only form of punishment. As part of the search for an optimal model for achieving a corrective effect, it is interesting to refer to the existing historical experience. A comprehensive inclusion of the public to solve the situation was one of the forms of combating juvenile delinquency since the second half of the 19th century. One of the instruments of state policy in this area was the active involvement of the monasteries of the Russian Orthodox Church, which were to become the leading body in the fight against and prevention in the field of juvenile delinquency. **Materials and methods.** By the example of the organization of the work of correctional shelters, founded in 1898 at the monasteries of the Kuban region, the authors analyze their activities, the difficulties in organizing work with the contingent within the monasteries of the entire Caucasian department. The conclusion becomes relevant that success in the activities of prevention and correction was possible only with the wide involvement of the public, the training of pupils of shelters in professions that are in demand on the labor market, a combination of various programs and religious educational practices, in close cooperation with the executive authorities of the region. **Analysis.** An appeal to the history of correctional institutions in

the North Caucasus can help improve the organization of work in relation to juveniles who committed crimes in the implementation of the strategy for the execution of punishments. **Results.** As the results of the study showed, this experiment did not receive wide support not only in the region, but throughout the empire. And only thanks to the help of the public in organizing the work and maintenance of the orphans, with limited funding from the state, the monasteries managed to establish the process of rehabilitation of juvenile delinquents. In combination with the use of various educational systems and programs, school and labor training, various methods of education and mentoring, the monasteries contributed to the correction of minors.

Keywords: North Caucasus, Kuban region, Stavropol and Yekaterinodar (Caucasian) diocese, shelters for juvenile delinquents, correction, education

For citation: Nemashkalov P. G., Volodkova E. N. Problems of organizing the work of departments of correctional orphanages for juvenile delinquents at the monasteries of the Stavropol and Yekaterinodar diocese in the late XIX – early XX centuries. Humanities and law research. 2023;10(3): 431–439. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.9>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 19.05.2023.

The article was approved after reviewing: 22.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

Введение. Вопрос о положении несовершеннолетних в системе исправительных учреждений волновал широкую общественность российской империи в середине XIX в. Под руководством М. М. Сперанского велась активная работа по разработке системы российского законодательства, которое бы соответствовало вызовам времени и удовлетворяло бы потребностям государства. Не уходя на второй план и работа по разработке нового проекта Уложения и наказаниях уголовных и исправительных, целью которого должна была стать выработка принципиально новых подходов в работе уголовных органов и системы уголовно-исправительного производства. Поражающий масштаб преобразований основывался на прак-

тике мирового опыта работы в данной сфере, и как следствие, приходилось в дальнейшем заимствовать и в будущих нормах данной сферы уголовного производства, в редакция 1857, 1866 и 1885 гг.

Вводимое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в 1845 г. сохраняло возможность применения карательной меры в виде лишения свободы, но оно рассматривалась как высшая форма социальной защиты. Более приемлемым считалось не назначать виновному несовершеннолетнему, совершившему преступление по неосторожности в возрасте от 14 до 21 года, а передать его под опеку законных представителей, которыми могли выступить, в первую очередь

только родители, а также близкие родственники. По самому смыслу нового Уложения несовершеннолетний, вместо десоциализирующего воздействия мест лишения свободы и принудительного перевоспитания, попадал на поруки в семью с последующим «традиционным» домашним исправительным воспитанием по усмотрению родителей или опекунов [25, с.353].

Следуя заложенным принципам германизации личности несовершеннолетнего преступника, признаваемого как оступившегося лица в своей жизни, Александром II 17 апреля 1863 г. утвердил указ «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний», его главной ключевой позицией стала отмена ранее существующих практик применения телесных наказаний к несовершеннолетним. В отличие от европейских стран, наше государство уверенно встало на путь признания прав детей, но в контексте традиционной системы ценностных норм культуры. В пояснении к данному положению было указано, что «это правило заключает в себе лишь первый вызов к учреждению означенных заведений, вызов, который, должно надеяться, не останется без последствий. Дальнейшее устройство предполагаемых учреждений и тех условий, на которых могут быть отдаваемы в них дети по суду, должно быть предметом особого закона» [1, с.112]. Мысль о приютах вызвана была заявленной при составлении судебных уставов трудностью «применять к малолетним родам и виды наказаний, установленных общим карательным законом, ибо по особым свойствам детского возраста те меры в применении к детям представляются или совершенно невозможными, или ведущими к положительному вреду» [27, с.424].

Материалы и методы. Исследование основано на принципе междисциплинарности. Обращение к материалам периодики, представляющей анализ уголовной статистики, и материалам архива, сохранившему переписку должностных лиц, относительно вопросов организации работы в отношении несовершеннолетних, позволило выявить основы государственно-правовой политики в вопросе признания несовершеннолетних преступников. Посредством применения исторического, сравнительного, и описательного методов научного исследования показана роль монастырей Кубанской области, которые одни из первых учредили исправительные заведения в стенах обителей после обращения верховной власти, и в последующие годы оставались единственными в империи активно работающими в данной сфере.

Анализ. Накопившиеся противоречия законодательной теории и практики её применения были урегулированы изданием «Правил об исправительных приютах», принятых 5 декабря 1866 г. Несмотря на точность и конкретность установленного порядка, согласно которому дей-

ствовали колонии и приюты, принятый Закон был не совершенен. Им устанавливалось, что все исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников должны были быть подчинены системе Министерства внутренних дел. На практике дело обстояло так, что российская общественность включилась в работу создания исправительных учреждений для несовершеннолетних в 70-х гг. XIX в., и при активном участии общественных организаций и благотворительных учреждений создавались полулегальные организации, новым законом поставленные вне правового поля своей деятельности [2, с. 23].

Сложившаяся ситуация характеризовалась тем, что Российская империя не имела опыта организации подобной работы с несовершеннолетними, и задаваемый вектор работы в этом направлении ложился в основу профилактики на последующие десятилетия [12, с.142]. Многообразие форм работы частных лиц и благотворительных учреждений требовало унификации принципов и подходов в работе с оступившимися подростками. Отсутствие четких правил порождало разные подходы в отношении мер дисциплинарного воздействия относительно контингента призреваемых и воспитанников, исключения составляли случаи побега из исправительных учреждений [4, с.10].

Отечественная научная мысль, сделавшая объектом своего исследования трудновоспитуемого подростка, дала толчок появлению целого направления в отечественной педагогике – педагогической патологии. Обобщая опыт, можно прийти к выводу, что основное внимание уделялось преодолению экзистенциального кризиса несовершеннолетнего. По мнению Д. А. Дриля, отклонения в поведении могут не закрепиться при условии рационального воспитания и оздоровления внешней обстановки. Это положение можно отнести и к эстетическому окружению, и к организации полезной деятельности, в том числе художественной [13, с.43]. Влияние этого направления педагогической мысли привело к тому, что к началу XX столетия в системе мест лишения свободы особое место занимают воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних.

Срок пребывания в исправительном учреждении данного типа нормативными актами трактовался неоднозначно. Закон допускал пребывание в приютах до достижения осужденным несовершеннолетним 18-летнего возраста, либо помещались они на определенный срок. Во время отбывания наказания акцент делался на духовно-нравственное и интеллектуальное развитие осужденных: «без воспрещения, однако же, учредителям приюта несколько распространить круг обучения элементарным наукам в тех случаях, когда признают это полезным и возможным» [15, с.144–146].

Проводя анализ реализуемой политики, начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции империи отмечал: «Во многом зависят от энергии отдельных лиц, стоящих во главе дела, названные заведения временами, под влиянием преданных делу руководителей, начинают процветать, увеличивается приток членских взносов и частных пожертвований, улучшается постановка дела в заведении, но затем, когда эти энергичные лица уходят или охлаждаются к делу, наступает время упадка, а в некоторых случаях даже полное прекращение деятельности полезного учреждения» [24, с.9].

По закону 1866 г. исправительные приюты учреждались для нравственного исправления несовершеннолетних, отдаваемых по судебным приговорам. В реальности приюты принимали у себя и бродяг, и нищих, и «ничьих детей». Жизнь составляла сочувствующих и милосердных людей идти на этот шаг, поскольку детей просто некуда было деть. Так, в приютах по мере их создания оказывались дети разных категорий, и заведения приобретали смешанный характер [22, с. 72–73].

В Ставропольской и Екатеринодарской епархии осуществляли благотворительную деятельность приходские попечительства. И если по России в целом они не принесли ожидаемых результатов, то на Северном Кавказе они действовали довольно эффективно, оказывая помощь значительной части беспризорных детей.

Первое организованное приходское попечительство в регионе было учреждено Андреевско-Владимирским Братством при Андреевско-Владимирской церкви архиерейского дома. Заявленной целью было сохранение, утверждение и распространение православно-христианской веры и нравственности, служение делу любви и милосердия к сиротам, бедным и беспомощным старцам всякого звания и состояния [6, с. 89–90]. Братство содержало убежище для бесприютных детей обоего пола на 50 человек, бесплатную столовую и богадельню [5, с. 94].

Основная работа приюта была направлена на развитие у воспитанников основ духовно-нравственной православной традиции. При этом всю бытовую работу по своему содержанию они выполняли самостоятельно под руководством назначенных им воспитателей. Большая роль в этом процессе принадлежала воспитательнице, которая посредством распределения обязанностей управляла организацией работы убежища [16, с. 73].

Знание ремесла мальчики постигали в сапожной, столярной, переплетной мастерских, а девочки в рукодельной мастерской. Сапожная мастерская была открыта при убежище в 1889 г. для обучения призываемых детей сапожному и башмачному ремеслу с 7 до 17 лет. Сапожная мастерская полностью удовлетворяла нужды благотвори-

тельного общества в обуви и принимала заказы от горожан. Столярная мастерская была открыта в 1891 г., в ней обучались мальчики с 8 до 15 лет. Переплетная мастерская начала работать с 1893 г., к работам в ней привлекали детей с 9 до 16 лет. Под руководством мастера-наставника юноши восстанавливали весь имеющийся фонд братской библиотеки, библиотеки убежища и братских школ. Девочки обучались в рукодельной мастерской, открытой в 1888 г., их учили кройке и шитью, вышиванию и вязанию. В весенне-осенний период велись занятия по огородничеству. Обучение детей церковному пению давало им возможность получить место в архиерейском хоре, за работу в котором им выплачивалось установленное вознаграждение от архиерейского дома. Данными средствами они могли воспользоваться только при окончании времени пребывания в приюте, и то, только в установленных случаях.

Порядок пребывания в приютах поддерживался силой установленных правил, которые работали как средства поощрения, а в исключительных случаях строгого воздействия. Самым распространенным средством работы с подростками была профилактическая беседа, чаще тет-а-тет, без широкого оглашения проблемы и достигнутых договоренностей. Но если это не имело воздействие, тогда виновные могли быть подвергнуты публичному выговору, или помещены в карцер [26, с. 2].

Отдельной категорией были религиозные благотворительные организации: Андреевско-Владимирское приходское попечительство и Ставропольское мусульманское благотворительное общество. При приюте была открыта одноклассная школа, ремесленные мастерские, помимо этого детям давали и религиозное образование. У Ставропольского мусульманского благотворительного общества своего приюта не было, поэтому оно могло только передавать детей на воспитание в семьи, либо отправляло их в приюты других благотворительных обществ внося плату за их содержание [26, с. 3–4]. Общества стремились оградить детей от совершения преступных действий и способствовали их социализации.

По мнению Е. Тарновского, из каждой сотни осужденных в возрасте до 17 лет общими и мировыми судами в 1891–1893 гг. было приговорено к тюремному заключению 81,9 %, а в исправительный приют – только 5,9 % (остальные были приговорены к другим видам наказания или отданы родственникам на исправление). Эти цифры показывают, что почти вся осужденная молодежь шла в тюрьмы [23, с. 10]. Что касается учреждений для несовершеннолетних, то если в 1892 г. их было в империи всего 20, то к концу 90-х гг. XIX в. Их численность выросла до 45. К 1914 г., по официальным данным, таких заведений насчитывалось 59, а к 1917 г. в империи их насчитывалось более 90 [3, с. 24].

Росту организованных приютов для несовершеннолетних преступников способствовала активная политика государства в данной сфере. В рамках развития нормативно-правовой системы в этом вопросе 2 июня 1897 г. был принят закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости». Роль монастырей, как мест заключения, была расширена, и многие из них в империи встретили его резко отрицательно. Но, имея большой опыт работы в этой области, органы епархиальной власти региона поддержали данное начинание.

При Кубанском попечительском комитете о тюрьмах был учрежден Кубанский исправительный приют. Тюремный комитет с одной стороны был движим желанием прийти на помощь бесприютным сиротам до постройки здания для исправительного приюта, а с другой, для поддержки монастырей в исполнении возложенных на них обязанностей по содержанию малолетних преступников. Исходя из этого было организовано отделение Кубанского исправительного приюта при монастырях, как мужском, для мальчиков, так и при женском, для девочек.

При личных беседах по этому вопросу с настоятелями обителей Кубани директора и члена правления приюта А. Д. Бигдая была проработана фактическая возможность реализации этого проекта. В результате были составлены принципы организации данных учреждений. Как сироты, так и преступники определялись в монастыри Правлением Кубанского исправительного приюта, на который возлагалась обязанность сбора всех предварительных сведений о воспитанниках. В монастыре ребенок передавался, по определению настоятелей обители, под особый надзор отдельного брата или сестры, или же их группе, для постоянного над ними надзора и религиозно-нравственного исправления. Из числа монашествующих, с разрешения епископа, назначалось лицо, которому поручалось общее наблюдение за всеми призреваемыми и отчетность по средствам определенных на их содержание. Находящиеся на исправлении в монастырях подростки обоего пола обучались грамоте и распространенным ремеслам в регионе, в случаях условий их отсутствия в обителях, то Правление приюта инициировало их учреждение с выделением необходимых средств. Стол был общим для призреваемых в монастырской трапезной. Для проживания в монастырях им выделяли отдельное помещение, или предполагалась возможность размещения с монашествующими и послушники [7, л. 1–2].

9 и 11 октября 1898 г. состоялось Торжественное открытие при монастырях Кубанской области сразу двух приютов для несовершеннолетних

преступников и преступниц: Черноморской Марие-Магдалинской женской обители и Черноморском Екатерино-Лебяжем Николаевском мужском монастыре. Женский монастырь взял на себя воспитание в приюте 25 девушек, в обители для них было выделено два здания: недавно отстроенный дом в центральной ее части и помещение для школы [14, л. 573–574]. При мужском монастыре приют был рассчитан на 20 мальчиков, с разрешения владыки, монастырь принял на себя обязанность бесплатно отвести помещение со столом для заведующего приютом и выдавать из монастырских сумм, в пособие правлению, на вознаграждение заведующего ежегодно по 300 руб. Помимо этого также монастырь начал постройку особого корпуса для отделения приюта, в котором возможно было бы открытие земледельческой школы [7, л. 35–36].

Правление выделило на содержание каждого призреваемого до 40 руб. в год, кроме этого, взяло на свой счет содержание врачей при обителях. Председатель правления вновь обратился к епископу, просьба которого о возложении обязанности заведывание приютом и заведывание школой на одно лицо была удовлетворена. Епископ не смог не согласиться с доводами, которые сводились к тому, что учебная и воспитательная часть не могут быть отделены, а при имеющихся в обителях требуется совершенствование учебно-воспитательного процесса в соответствии с установленными требованиями.

На данную должность решено было принимать только тех лиц, которые обладали установленным образовательным цензом и опытом в педагогической сфере. Все свое время они обязаны были посвящать исключительно детям, поэтому было решено установить для них доплату на собственное содержание. Поскольку монастыри потратили много средств на учреждение приютов, было принято решение предоставить заведующим квартиры. Правление брало на себя часть содержания до 300 руб., по согласованию с Епархиальным училищным советом, епархия брала на себя дополнительную выплату в течении первых 5 лет до 300 руб. на каждый монастырь [7, л. 53–54].

18 марта 1899 г. канцелярия обер-прокурора Синода известила епископа Агафодора о том, что на доклад министра юстиции о содействии руководства епархии и открытии при монастырях Ставропольской и Екатеринодарской епархии исправительных приютов для несовершеннолетних и призрения бесприютных детей в Кубанской области, император выразил епархиальному руководству и монастырям монаршее одобрение. Братия Екатерино-Лебяжьего Николаевского мужского монастыря вдохновленная монаршим одобрением в деле исправительного воспитания несовершеннолетних преступников и сирот, решила учредить

в память благоволения императора при отделении Кубанского исправительного приюта, сверх 20 имеющихся в нем мест, еще 12 новых стипендий для призрения и обучения бесприютных сирот с присвоением этим стипендиям наименование «стипендий Николаевских», на что государь повелел благодарить жертвователей [7, л. 70].

Вскоре последовало предложение епископа настоятелям обителей епархии об учреждении в их стенах детских приютов или школ грамотности, как полезных для религиозно-нравственных основ в обществе, по примеру обителей Кубани. Ссылаясь на материальные трудности их организации и нехватку средств для содержания призреваемых, они все отказались от учреждения подобных заведений на их территории. По согласованию с министерством юстиции Консисто́рия, в начале каждого последующего года, ставила в известность председателя Ставропольского окружного суда о тех монастырях, которые согласились бы на принятие в стены обители малолетних преступников [9, л. 1].

Среди множества трудностей, с которыми сталкивались обители при организации приютов, материальный вопрос оставался одним из самых сложных. Исходя из того, что монастыри не имели в своих учреждениях подобных приютов, то Синод для разъяснения содержания обращался к министру юстиции. По результатам возникшей переписки от 15 декабря 1900 г. было принято решение, чтобы малолетние преступники и преступницы содержались в обителях за счет казны, и плата соответствовала тому, во сколько обходиться пища и одежда взрослых арестантов в местных тюрьмах [8, л. 1].

Не всегда установленные нормы содержания соблюдались. На 1 января 1903 г. в Кубанском приюте при Марие-Магдалинском монастыре содержалось 12 девочек, столько же их было к 1 января 1911 г. [17, с.368]. На начало 1914 г. – 17 [19, с. 25], 1915 – 20 воспитанниц, на 1 января 1916 г. их числилось 19 [21, с.242]. В тоже время на их содержание в 1908 г., при средней стоимости годичного содержания в подобных заведениях в 266,80 руб., на одну девочку в Кубанском приюте казна выделяла 65,33 руб. В 1912 г. эта сумма равнялась 81,61 руб. [18, с.95], а поскольку расходы государства с началом Первой мировой войны были увеличены на военные нужды, то в 1915 году она достигла «ненормально низкого» предела в 48,27 руб. [20, с. 105]. Исходя из возникающей разницы сумм содержания воспитанников и финансирования, основное бремя компенсации расходов возлагалось на монастырские суммы и пожертвования благотворителей. В сложившейся ситуации проблему пытались решить посредством широкого участия общественности региона. Для этого в приходских церквях епархии,

по усмотрению самих священнослужителей, устанавливался кружечный сбор на нужды Кубанского исправительного приюта [7, л.64].

19 апреля 1909 г. было утверждено новое «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», в котором предусматривается участие духовного ведомства в решении данной проблемы, и высказано пожелание об участии монастырей империи в решении вопроса. По представленной Синодом справке оказалось, что по определению светских судебных органов в монастырях империи лиц до 17 лет оказалось:

- в 1906 г. в 12 епархиях 49 детей, а в 41 епархии их вообще не содержалось;
- 1907 г. в 11 епархиях 36 детей;
- 1908 г. в 9 епархиях 34 [10, л.16].

Синод не мог принуждать монастыри к открытию приютов, и передавал на усмотрения епархиального начальства решение этого вопроса. При этом указывал на то, что в случае их размещения в обители, они должны подчиняться всем правилам монастырской жизни. Не допускал сосредоточение в одной обители большого числа несовершеннолетних преступников, в виду угрозы нарушения иноческой жизни. В своей политике Синод руководствовался тем, что рост преступности связывал с пренебрежительным отношением к религиозно-нравственному воспитанию детей в семье и обществе. Указывалась особая роль приходского духовенства Церкви, которым прилагались большие усилия в отношении усвоения детьми христианской веры и нравственности. Поэтому перевоспитание несовершеннолетних преступников им считалось делом общественных организаций и самого общества. Синод же ставил вопрос об их открытии в епархиях в прямую зависимость средств и способов, имеющихся у епархиальных властей и условий существования самих обителей.

Наблюдая устранение от участия в борьбе с ростом детской преступностью, Министр юстиции 20 ноября 1909 г. обратился повторно за помощью к обер-прокурору Синода и указал на недостаток воспитательно-исправительных заведений в империи. В тюрьмах и арестных домах, по приведенным данным, постоянно содержалось до 800 и более несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, и ежегодно их приток в данные места достигал более 7000 человек. Согласно представленным данным в 1907 г. из 7874 несовершеннолетних содержалось в общих камерах 3522 чел. или почти 50 %, и 7214 чел., или 92 %, остались без всяких занятий. Подобные условия создавали благоприятные условия для деградации несовершеннолетних, многие из которых случайно совершили противоправные деяния, и большинство из них после освобождения неизбежно превращались в профессиональных преступников. Им ста-

вился вопрос о причинении вреда обществу и государству этими деклассирующими элементами ведущими праздный образ жизни [10, л. 13–16].

Епископ в своем ответе на письмо министра, после переписки с настоятелями обителей, ответил, что только 3 монастыря епархии имели возможность поместить в стенах обителей малолетних преступников. При этом наместник Николаевской обители иеромонах Анатолий соглашался принять в монастыре задержанных полицией малолетних мальчиков в возрасте свыше 10 лет не более чем 10 душ, но только при том условии, что они будут находиться в монастыре не более полугода и за счет казенных средств. Поступавшие на этих условиях мальчики могли обучаться грамоте в школе пустыни и быть под надзором полицейского урядника [10, л. 21]. На тех же условиях согласилась принять в Марие-Магдалинскую обитель девочек и игуменья Прискилла. Настоятель Кавказского миссионерского монастыря игумен Герман согласился принять таких детей, только при условии, что их будет небольшое количество [10, л. 5].

Игуменья Покровского женского монастыря Рафаила ответила, что их монастырь не имел ни малейшей возможности принять таких детей, из-за отсутствия подходящего помещения и средств. Настоятель Свято-Алекسانдро-Афонской Зеленчукской общежительной пустыни иеромонах Феофил отметил, что в большинстве своем данная категория детей с испорченной нравственностью, исходя из чего они требуют строгого надзора и тщательного попечения, которого пустынь, за неимением наставников и помещения, не может предоставить. Игуменья Спасо-Преображенского монастыря Раиса указала на крайнюю нужду в материальном отношении, отсутствие пахотной земли и подаяний, исходя из чего для обители было обременительно содержание не только детей сирот, но даже монашествующих сестер. Настоятель св. Михайло-Афонской пустыни игумен Амвросий указал на неподготовленность обители в виду отсутствия подходящего помещения, болезни большинства братии, которые находились в преклонных годах не допускающей деятельной жизни. Настоятель Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря игумен Геннадий отметил невозможность принятия данных детей по отсутствию наставников, и просил о созыве съезда настоятелей обителей епархии для рассмотрения вопроса организации приютов [10, л. 6–10].

С началом Первой мировой войны на монастыри епархии была возложена обязанность патроната в устроенных лазаретах, уволенных от службы нижних чинов и некоторых из них для восстановления здоровья. По распоряжению генерал-губернатора Кубанской области и Черноморской губернии от 7 марта 1915 г. они направ-

лялись на патронат при монастыри Кубанской области, если места их постоянного места жительства были оккупированы [11, л. 2 – 3].

При наплыве беженцев и вынужденных переселенцев при монастырях не осталось свободных помещений. В виду сложившихся обстоятельств монастыри не могли установить надлежащий надзор за определяемыми по решениям суда лицами в стены обители, участились случаи, когда арестанты совершали побег из монастыря. Исходя из сложившихся обстоятельств 18 февраля 1916 г. настоятель Кавказского миссионерского Николаевского монастыря в своем рапорте консистории просил епархиальные власти обратиться в Екатеринодарский окружной суд, чтобы в вверенный ему монастырь не определялись малолетние преступники, а также лица, присужденные судами к епитимии. Стараясь поддержать порядок в монастырях епархии, Консистория постановила размещать по приговорам суда только в монастыри Кубанской области: Марие-Магдалинской женской пустыни и Екатерино-Лебяжьему Николаевскому мужскому монастырю [11, л. 4].

В силу нового закона о малолетних от 2 июня 1897 г., когда последние за совершение ими преступления не подвергались уголовному наказанию и передавались на исправление родственникам и знакомым. Участие монастырей в борьбе с девиацией в среде несовершеннолетних как мест заключения была расширена последующими законами. Правительство, направляя малолетних преступников для содержания в монастыри, не учитывало того, что они были совершенно не приспособлены и не подготовлены для этой важной миссии.

Результаты. Многие монастыри империи встретили резко отрицательно данную инициативу правительства. В большинстве своем монастыри, по ряду объективных обстоятельств, не справлялись с малолетними преступниками. Принятие решений на открытие исправительных приютов было передано Синодом на усмотрение епархиальных властей, а со своей стороны он решил ограничить число монастырей, в которые можно было направлять малолетних преступников.

В Ставропольской епархии инициатива по открытию приютов для несовершеннолетних преступников получила широкую поддержку в обителях Кубанской области. Своим учреждением эти заведения обязаны были широкой поддержкой обществом и населением региона. Поскольку, обремененное обязанностями содержание монастырской экономики, насельники монастыря не могли бы справиться самостоятельно с решением данного вопроса без материальной помощи общественных организаций и частных лиц. Акцентируя внимание на духовно-нравственном исправлении содержащихся в приютах совершивших преступления лиц, монастырями делался акцент на обучение их профессиям, которые были востребованы на рынке труда в регионе.

Литература

1. Александровский Ю. В. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. СПб.: Новое законодательство, 1909. 112 с.
2. Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2008. 428 с.
3. Беляева Л. И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
4. Беляева Л. И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России. М.: Академия МВД России, 1995. 392 с.
5. Благотворительные учреждения Российской Империи. Т. 2. СПб.: б.и., 1900. 360 с.
6. Всеподданнейший отчет за 1890 и 1891 годы. СПб.: б.и., 1893.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп.56. Д.653.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.59. Д.744.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.66. Д.1110.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.67. Д.192.
11. ГАСК. Ф.135. Оп.74. Д.772.
12. Дриль Д. А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 4. С. 137–158.
13. Дриль Д. А. Малолетние преступники. Вып. 2. Ч. 1. Психология преступности. М.: Тип. Мамонтова, 1888. 320 с.
14. Исправительные заведения для несовершеннолетних // Тюремный вестник. 1898. № 11. С. 573–574.
15. Отчет Главного тюремного управления за 1883 год. СПб., 1884. 397 с.
16. Отчет о деятельности Ставропольского Андреевско-Владимирского братства за 1899 год. Ставрополь: б.и., 1901. 94 с.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 2. СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1913.
18. Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год СПб.: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1913.
19. Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. 2. Петроград: Типо-Литография Петроградской тюрьмы, 1915.
20. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. 1. Петроград: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1917.
21. Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 год. Ч. 2. Петроград: Типо-Литография С.-Петербургской тюрьмы, 1917.
22. Пусторослев П.П. Наказательно-исправительные заведения для малолетних и несовершеннолетних преступников // Учебные записки / Юрьев. ун-т. 1893. № 4. 34 с.
23. Тарновский Е. Преступность малолетних и несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 9. С.1-43.
24. Труды восьмого съезда представителей русских воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. СПб.: б.и., 1913. 397 с.
25. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Гл. вторая «О наказаниях». Отделение первое // Отечественное законодательство XI–XX веков: Ч. I (XI–XIX вв.) / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. 898 с.
26. Устав Ставропольского мусульманского благотворительного общества. Ставрополь, 1909.
27. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Добросвет; Городец, 2000. 462 с.

References

1. Alexandrovsky Yu. V. Regulations on educational and correctional institutions for minors. St. Petersburg: Novoe zakonodatel'stvo, 1909. 112 p. (In Russ.).
2. Ashin A. A. Educational colony: history and modernity. Vladimir: Publishing house Vladim. state un-ty, 2008. 428 p. (In Russ.).
3. Belyaeva L. I. Legal, organizational and pedagogical foundations for the activities of correctional institutions for juvenile offenders in Russia (mid-19th - early 20th century): thesis. Moscow, 1995. (In Russ.).
4. Belyaeva L. I. Formation and development of correctional institutions for juvenile delinquents in Russia. Moscow: Academy of IM publ., 1995. 392 p. (In Russ.).
5. Charitable institutions of the Russian Empire. Vol.2. St. Petersburg, 1900. 360 p. (In Russ.).
6. Most loyal report for 1890 and 1891. St. Petersburg, 1893. (In Russ.).
7. State Archive of the Stavropol Territory (hereinafter - GASK). F.135. Inv.56. D.653. (In Russ.).
8. GASK. F.135. Inv.59. D.744. (In Russ.).
9. GASK. F.135. Inv.66. D.1110. (In Russ.).
10. GASK. F.135. Inv.67. D.192. (In Russ.).
11. GASK. F.135. Inv.74. D.772. (In Russ.).
12. Dril D. A. Prison and forced education. Zhurnal Ministerstva justice = Journal of the Ministry of Justice. 1900;4:137–158. (In Russ.).
13. Dril D. A. Juvenile delinquents. Issue. 2. Part 1. Psychology of crime. Moscow: Mamontov's printing house, 1888. 320 p. (In Russ.).
14. Correctional institutions for minors. Tjurennyj vestnik = Prison Bulletin. 1898;11: 573 – 574. (In Russ.).
15. Report of the Main Prison Administration for 1883. St. Petersburg, 1884. 397 p. (In Russ.).
16. Report on the activities of the Stavropol Andreevsky-Vladimir Brotherhood for 1899. Stavropol, 1901. 94 p. (In Russ.).
17. Report on the Main Prison Department for 1911. Part 2. St. Petersburg: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1913. (In Russ.).
18. Report on the Main Prison Department for 1912, St. Petersburg: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1913. (In Russ.).

19. Report on the Main Prison Department for 1914. Part 2. Petrograd: Type Lithography of the Petrograd Prison, 1915. (In Russ.).
20. Report on the Main Prison Department for 1915. Part 1. Petrograd: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1917. (In Russ.).
21. Report on the Main Prison Department for 1915. Part 2. Petrograd: Type-Lithography of the St. Petersburg Prison, 1917. (In Russ.).
22. Pustoroslev P. P. Correctional institutions for juvenile and juvenile offenders // Educational notes / Yuryev. un-t. 1893. No. 4. 34 p. (In Russ.).
23. Tarnovsky E. Juvenile and juvenile delinquency in Russia. Zhurnal Ministerstva justicii = Journal of the Ministry of Justice. 1899;9:1-43. (In Russ.).
24. Proceedings of the eighth congress of representatives of Russian educational and correctional institutions for minors. St. Petersburg, 1913. 397 p. (In Russ.).
25. Regulations on punishments of criminal and correctional 1845. Ch. the second «On Punishments». The first department in Domestic legislation of the XI - XX centuries: Part I (XI - XIX centuries) / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow: Yurist, 1999. 898 p. (In Russ.).
26. Charter of the Stavropol Muslim Charitable Society. Stavropol, 1909. (In Russ.).
27. Foinitsky I. Ya. The doctrine of punishment in connection with prison science. Moscow: Dobrosvet; Gorodets, 2000. 462 p. (In Russ.).